

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-460-6-27

Андреев Игорь Львович

кандидат исторических наук, профессор

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

andreev_hist@mail.ru; ORCID: 0009-0004-5592-3379

Челнокова Алла Юрьевна

кандидат исторических наук, доцент

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

allajurevna@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8785-0670

МИТРОПОЛИТ НИКОН В НОВГОРОДСКИХ СОБЫТИЯХ 1650 г.

Аннотация. Статья посвящена участию митрополита Никона, будущего патриарха Московского и всея Руси, в новгородских событиях 1650 г. Восстание в Новгороде приоткрыло еще одну грань характера владыки, его способность говорить с мятежными толпами, проявляя по необходимости и гибкость, и твердость в стремлении «утешить» бунт и восстановить порядок. Никон в новгородских событиях предстает как крупный церковный и государственный деятель, карьерный взлет которого не кажется случайным после того, как он показал образец поведения истинного подвижника и защитника «государева дела».

Ключевые слова: восстание в Новгороде, Новгородская митрополия, церковная иерархия, Дом Святой Софии, скоп, Никон, царь Алексей Михайлович, боярин И. Хованский, Иван Желтов.

Для цитирования: Андреев И. Л., Челнокова А. Ю. Митрополит Никон в новгородских событиях 1650 г. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2025. № 4 (60). С. 6–27. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-460-6-27>

Original article

UDC 94

DOI: 10.24412/2076-9105-2025-460-627

Andreev Igor L.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Moscow City University

Moscow, Russia

andreev_hist@mail.ru; ORCID: 0009-0004-5592-3379

Chelnokova Alla Yu.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Moscow City University

Moscow, Russia

allajurevna@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8785-0670

METROPOLITAN NIKON IN THE NOVGOROD EVENTS OF 1650

Abstract. The article is devoted to the participation of Metropolitan Nikon, the future Patriarch of Moscow and All Russia, in the Novgorod events of 1650. The Novgorod uprising revealed another facet of Vladyka's character, his ability to speak to rebellious crowds, showing both flexibility and firmness when necessary in an effort to «comfort» the rebellion and restore order. Nikon appears in the Novgorod events as a major church and statesman, whose career rise does not seem accidental after he showed a pattern of behavior of a true ascetic and defender of the “sovereign cause”.

Keywords: Novgorod uprising, Novgorod Metropolitanate, church hierarchy, House of St. Sophia, Skop, Nikon, Tsar Alexei Mikhailovich, Boyar Ivan Khovansky, Ivan Zheglov.

For citation: Andreev I. L., Chelnokova A. Yu. Metropolitan Nikon in the Novgorod events of 1650 // MCU Journal of Historical Studies. 2025. № 4 (60). P. 6–27. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2025-460-6-27>

Введение. История Новгородского восстания 1650 г. получила свое подробное освещение уже в дореволюционной литературе. Но еще больший интерес новгородские события вызывали у советских исследователей, увидевших в них проявление антиправительственных и даже антифеодальных устремлений низших слоев городского населения¹. Правда, при этом приоритет

¹ Тихомиров М. Н. Новгородское восстание 1650 г. // Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 139–169; Коваленко Г. М. Адольф Эберс о новгородском восстании 1650 г. // Изучение истории и культуры Новгородской земли. Новгород, 1987.

советские историки отдавали Псковскому восстанию, более масштабному и грозному в сравнении с новгородским бунтом. Естественно, при изучении новгородских событий никак нельзя было обойти фигуру митрополита Никона. Затрагивалась эта тема и в многочисленных биографических исследованиях, посвященных ему. При этом в большинстве случаев признавалось, что новгородская история в жизни будущего патриарха стала немаловажной вехой. Тем не менее специальной работы, позволяющей детально высветить деятельность митрополита в дни новгородского мятежа, оценить и понять ту роль, которую он сыграл в прекращении бунта, нет. Представленная статья — попытка заполнить этот пробел, акцентировав внимание на личность Никона, оказавшегося в чрезвычайных условиях.

Ход и результаты исследования. 11 марта 1649 г. в Успенском соборе Кремля Никон был возведен в сан митрополита Новгородского. 15 марта Никону была дана настольная грамота, в которой подчеркивалось, что он был избран «по совету Богом венчанного государя царя и великого князя Алексея Михайловича»².

Заметим, что атмосфера, сложившаяся в верхах духовенства на момент возвышения Никона, была достаточно напряженной. Едва ли дряхлеющий патриарх Иосиф испытывал симпатию к Никону, который вместе с «ревнителями древнего благочестия» при поддержке царя все чаще вмешивался в дела церкви. В этом позиция Иосифа сильно отличалась от позиции приехавшего в Москву иерусалимского патриарха Паисия, который не упускал возможности при каждом случае воскурить фимиам Алексею Михайловичу. В данном случае — за сделанный им выбор. Вскоре после хиротонии Никона в Посольский приказ была принесена грамота Паисия, свидетельствующая о том, что патриарх прекрасно знал, как польстить государю. Требовалось немного — хвалить Никона: «Смирение наше молит и благословляет великое ваше царствие сим нашим письмом прежде похвалити благодать, что просветил вас Дух Святый и избрали есте такова честнаго мужа преподобнаго инокосвященника и архимандрита Никона и возведе его великое ваше царствие на святыи престол митрополии новгородския, и той ест достоин утверждати церковь Христову и пасти словесныя овца Христова...»³. В заключение Паисий просил разрешения подарить Никону одну из своих мантий от святых мест, что и было им сделано.

24 марта 1649 г., в канун праздника Благовещения Пресвятой Богородицы, Никон торжественно въехал в Новгород. Началась новая глава его жизненного пути.

С. 39–42; *Варенцов В. А., Коваленко Г. М.* Хроника «бунташного» века. Очерки истории Новгорода XVII в. Л., 1991; *Тимошина Л. А.* Новая публикация документов о новгородском восстании 1650 г. // Очерки феодальной России. М., 2002. Вып. 6. С. 270–298.

² Цит. по: *Севастьянова С. К.* Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003. С. 19.

³ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел (СГГД). Часть третья. М., 1822, № 135. С. 449.

Обширная новгородская митрополия по числу церквей и монастырей уступала лишь патриаршей области⁴. В церковной иерархии новгородский митрополит также следовал за патриархом, что совсем не гарантировало ему получения в будущем посоха митрополита Петра — символа патриаршей власти. Часто первостоятеля избирали из числа игуменов монастырей, поскольку двойная хиротонизация считалась предосудительной. Случалось, что вопрос о патриархе решался «Божественным изволением» — простым жребием.

Зато куда важнее была царская приязнь! Здесь у Никона были большие преимущества. Однако с мартовским избранием у этого преимущества появился свой минус — расстояние между Москвой и Новгородом. Разделившие их версты могли со временем охладить привязанность царя. Но если кто-то из тайных недругов Никона и надеялся на подобный поворот, он был разочарован, так как этого не произошло. Напротив, случилось неожиданное: потребность в общении у Алексея Михайловича только усилилась. Царь нуждался в Никоне. Гонцы с царскими и владычьи грамотками сновали между Москвой и Новгородом с завидной частотой.

Эта частично сохранившаяся переписка чрезвычайно любопытна. В ней царь откровенен и простодушен до той степени, которая возможна при высшем градусе доверия. Вот один из таких примеров: получив в наследство от отца дворецкого, князя А. М. Львова, человека сурового и неуступчивого, молодой государь очень тяготился его опекой. Но за Львова стоял боярин Морозов, ослушаться которого Алексей Михайлович не смел. Приходилось терпеть. Однако в 1651 г. был найден весомый повод — почтенный возраст и пошатнувшееся здоровье Львова. На место старого князя был поставлен В. В. Бутурлин. Царь был в восторге от такой перемены. Не удержавшись, он совершенно по-детски хвастается Никону: «...А слово мое ныне во Дворце добре страшно и делается без замотчанья»⁵.

Свою роль играл и личностный фактор: Никон был возведен в ранг «собинного друга», чего не удосужился даже Морозов. Однако к этому добавилось еще одно обстоятельство, не дававшее царю забыть о Никоне, — его дела. То, что удалось за короткий срок осуществить Никону в своей епархии, сильно подняло его в глазах государя. Наконец-то был найден человек, способный воплотить в жизнь замыслы боголюбцев. Добавим к этому еще одно немаловажное и отчасти даже парадоксальное обстоятельство: смеем утверждать, что с Никоном легче было общаться на расстоянии, нежели часто и накоротке. Как человек, он был очень тяжел: причем чем выше подымался, тем требовательнее и безапелляционнее становился. Так что расстояние между Москвой и Новгородом скорее не отдаляло, а приближало его к государю. Наконец, влияние Никона не ослабевало, а, напротив, усилилось благодаря событиям

⁴ Водарский Я. Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII — начале XVIII в. // Историческая география России. XII — начало XX в. М., 1975. С. 78.

⁵ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. IV. № 57. С. 86.

в Новгороде в 1650 г., точнее, тому, как повел себя митрополит в смутные дни новгородского бунта.

Явившись в Новгород, Никон стал руководить митрополией энергично и самоуправно, воплощая в жизнь свое представления об образцовом пастырстве-владыке, который сложился у него за годы жизни на Севере. Последователи этого примера-образа не делали снисхождения ни себе, ни другим. В начале своего монашеского служения они много терпели от суровых северных игуменов, добивавшихся беспрекословного и безусловного послушания. Зато, став владыками, ждали подобного поведения от своих подчиненных.

Никон крепко взял бразды правления митрополией в свои руки. Этим он невольно укорял слабого и немощного патриарха Иосифа, неспособного навести твердый порядок в Русской церкви. Тем самым митрополит возвещал о грядущих переменах. И это возвещение имело своих адресатов.

Адресат первый — царь и «ревнители»: вот он, новгородский владыка, дает пример истинного пастыря, пребывающего в непрестанной заботе о своей пастве; он хлопочет, поучает, наставляет, он весь в Правде; он тот, кто так нужен для преодоления накопившихся «неустройств» и обретения первенства Русской церкви на вселенском поприще.

Адресат второй — епископат. Он, так же как и они, недоволен ущемлением церковных прав и привилегий; он тот, кто сможет приструнить приказных Монастырского приказа, добьется, если не отмены уничижающих священство статей Соборного уложения, то по крайней мере укоротит их. В самом деле, Никон явился в митрополию, получив право судить все население церковных земель по-прежнему своим церковным судом. Больше того, царь дал ему право надзора в Новгородской области даже над судом светским, тогда как новгородским властям было строго запрещено вмешиваться в дела митрополичьи⁶.

Наконец, адресат третий — паства. Грядут времена, в которых не будет «шатаний» и распушенности; будет послушание, единообразие, благочестие и благоговейный трепет перед крепким пастырем. В науке подобные устремления именуются политикой оцерковления, строгого контроля и подчинения духовенству повседневной жизнью мирян.

Очень скоро Никон превратил митрополию в «испытательный полигон» для реформ в духе «ревнителей». Он утвердил в церквях единогласие. При нем вместо нестройного «хомового пения» в новгородской Софии зазвучали стройные киевские песнопения, «пение одушевленное», для чего митрополит призвал к себе украинских певчих⁷. В духе требований «ревнителей» Никон отказался от всяких послаблений. Новый владыка строго взыскивает с нерадивых мирян и еще жестче с попов и дьяконов, забывших о своем долге. Одновременно митрополит являл пример нищелюбия и милосердия. Благотворительность

⁶ Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви: в 2 т. Т. 2. М.; Берлин, 2020. С. 115.

⁷ Сумцов Н. Ф. К истории южнорусской литературы семнадцатого столетия. Вып. 1. Харьков, 1885. С. 44–45.

при нем достигла огромных масштабов. Он чуть ли не ежедневно кормил и наделял милостыней на митрополичьем дворе сотни убогих и сирых. Им были устроены четыре богадельни и погребальная палата для неимущих⁸.

Естественно, строгости Никона не вызывали большого воодушевления новгородцев. Изначально между ним и паствой сложились напряженные отношения, давшие знать о себе в дни бунта. Один только план Никона провести строительные работы внутри Святой Софии вызвал протесты новгородцев. Намеренье митрополита церковь «рушить и столпы ломать» было признано неприемлемым посягательством на святыню, возведенную «по ангельскому благовестию»⁹. Завершилось все выдворением новгородцами строителей из храма.

Наводить порядок приходилось не только в епархии, но и во владычьем доме Святой Софии. Явившись в Новгород, Никон быстро обнаружил непорядок в архиерейских владениях.

Дом Святой Софии был одним из самых богатых в среде епархиальных владений. Сюда стекались сборы с более чем двух тысяч соборных и приходских церквей. Велики были земельные владения архиерейского дома — около 11 % от всего церковного землевладения Новгородской земли¹⁰. Долгое время управлял всем этим богатством митрополичий приказной человек Иван Жеглов¹¹.

Иван Прокопьевич Жеглов представлял собой тип оборотистого и умного дельца, каких современники нередко относили к «сильным людям»¹². Таким, благодаря связям и высокому покровительству, закон был не писан. В приказы они входили широко, дела решали с черного крыльца. Будучи родственником по жене известного своими амбициями новгородского митрополита Киприана (1626–1634)¹³, Жеглов имел давние крепкие связи с Домом Святой Софии. Свою карьеру здесь он завершал в звании дворецкого, что позволяло ему заботиться не столько о Доме Святой Софии, сколько о собственном достатке¹⁴. При последнем престарелом митрополите Афонии он окончательно уверился

⁸ Карташев А. В. Указ. соч. С. 115.

⁹ Документы о Новгородском восстании 1650 г. // Новгород. К 1100-летию города: сб. статей / под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1964. С. 295.

¹⁰ Водарский Я. Е. Указ. соч. С. 78.

¹¹ Биографию Ивана Жеглова см.: Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 155–157; Греков Б. Д. Новгородский дом Святой Софии // Избранные труды: в 5 т. М., 1960. Т. 4. С. 300–301.

¹² Андреев И. Л. «Сильные люди» Московского государства и борьба дворян с ними в 20–40-е годы XVII века // История СССР. 1990. № 5. С. 77–88.

¹³ Это был тот самый Киприан, которого обвиняли в «большой гордости», что, в частности, находило свое выражение в требовании называть его «государем митрополитом». Прослеживается несомненная аналогия с титулом патриарха Филарета, против которого Киприан позволял себе резкие выпады. См.: Зерцалов А. «О неправдах и непригожих речах» Новгородского митрополита Киприана (1627–1633) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1896. Кн. 1. С. 51–82.

¹⁴ Русская историческая библиотека (РИБ). Т. 5. Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582–1706). СПб., 1878. С. 27–31.

в своей безнаказанности и всесии. Так что даже Никон сумел привлечь Жеглова к ответу и упечь в тюрьму, лишь возложив на него более тяжкую вину, нежели заурядное воровство, — обвинение в «государевом великом деле»¹⁵.

К началу новгородского бунта Жеглов уже несколько месяцев томился в митрополичьей тюрьме. Стрельцы и посадские люди освободили «ведомого вора» и водворили его в земской избе. Бывший дворецкий, таким образом, поневоле оказался в числе руководителей восстания. Он не спешил расстаться с этой неожиданной и опасной ролью. В мутной водице новгородского бунта каждый пытался выловить свою рыбку. Был свой интерес и у Жеглова: ему надо было оправдаться от обвинений, возведенных на него Никоном. Для этого он попытался использовать бунт как средство очернить митрополита.

Жеглов стал задавать тон в земской избе. Дошло до того, что он вскрывал царские грамотки и отдавал распоряжения тогда, когда другие пасовали¹⁶. Наконец, воспользовавшись моментом, он принялся исподволь науськивать новгородцев на владыку и, похоже, был совсем не против того, чтобы они физически расправились с ним.

Здесь следует упомянуть о деле, из-за которого Никон еще до бунта отправил Жеглова вместе с его поделщиками, митрополичьими детьми боярскими братьями Негодяевыми, в тюрьму. Последние, еще до ареста Жеглова в 1649 г. отправились за решетку за то, что держали «воровские книги», будто бы позволявшие им знать, что «у царя и короля в полатах делаетца». Обвинение тяжкое. Здесь пахло не только ведовством, но и изменой. А в этом случае к делу привлекали всех тех, кто знал об этом или мог знать, но не донес. Начать следствие должен был воевода. Однако в сыске принял участие и Никон.

По приказу митрополита Жеглова бросили в «узилище». К этому времени стало известно не только о его причастности к делу братьев, но и о допущенных им злоупотреблениях в управлении Домом Святой Троицы. В итоге дошло до правеха: Жеглова, «возячи на дровнях», били и мучили «ослопьем насмерть в лежачь, и вымучили на нем денег триста рублей». Жеглов был брошен «во узилище» на митрополичьем дворе и «бысть цепь на выи его». Здесь он и оставался до начала Новгородского восстания.

Бунт в Новгороде стал серьезным испытанием для Никона.

Выступлению новгородцев предшествовали взбудоражившие горожан слухи о хлебной дороговизне. Причем в провоцировании ситуации повинны были сами власти. С февраля 1650 г. бирючи стали кричать на торгах, чтобы народ не скупал «из-за недорода хлеб во многих четвертях». В неурожайный год подобные призывы естественно привели к обратному результату — возрастанию спроса и росту цен. Повсюду ходили толки, что случившиеся — происки бояр,

¹⁵ Впрочем, Жеглову пришлось расплачиваться и за долги перед Домом Святой Софии, возникшие за годы его управления. Правда, произошло это после опалы бывшего управителя. Дом Жеглова с садом на Лубяницкой улице был отдан Софийскому митрополичьему дому. См.: *Севастьянова С. М.* Материалы... С. 26.

¹⁶ См.: *Тихомиров М. Н.* Указ. соч. С. 156–157.

которые отпускают за море «казну и хлеб». Действительно, по Стокгольмскому договору 1649 г. шведы получили разрешение на беспошлинную закупку в Новгородской земле большой партии зерна. К прибыльному делу тотчас прилепились дельцы типа Стояновых, хлебные спекуляции которых подняли хлебные цены.

Следует иметь в виду еще одну особенность настроений, которые доминировали в провинции после волнений 1648 г. Это уверенность в том, что бояре во главе с Б. И. Морозовым утаивают от царя всю правду о бедственном положении народа. Даже казну и хлеб бояре будто бы втайне отпускали за границу, чего, конечно, государь бы никогда не позволил¹⁷. В итоге любое недовольство фокусировалось на царском окружении. К нему новгородцы причисляли и своего воеводу, князя Федора Андреевича Хилкова. Тень подозрения падала и на Никона.

Для психологии народного бунта «боярская измена» — необходимая составляющая. С точки зрения его участников, выступление против измены оправдывало их действия и придавало им законный характер, даже если Соборное уложение приравнивало их действия к «скопу». В 1640–1650-х гг. главным «изменником» выступал, как правило, боярин Б. И. Морозов. В городе ходили слухи об обозе в Бронницах, где вместе с проданным шведам хлебом были бочки с морозовскими капиталами, которые тот якобы вознамерился вывести за рубеж¹⁸.

Ранней весной 1650 г. ситуация стала выходить из-под контроля местных властей. 1 марта в Пскове был разгромлен двор гостя Федора Емельянова, который скупал хлеб для шведов¹⁹. Вести о псковской «гили» быстро достигли Новгорода. Воевода Ф. А. Хилков поспешил донести в Москву, что в городе слышны «многие смутные речи».

15 марта полыхнуло в Новгороде. В этот день посадские люди собрались перед земской избой для избрания целовальников. Однако заговорили о другом — о хлебной дороговизне. Сапожник Елисей Лисица стал кричать, что гость Семен Стоянов вывозит за рубеж хлеб и мясо. Толпа заполонила Новгородский кремль. Вечером того же дня новгородцам нехстати подвернулся датский посланник Иверт Краббе, которого приняли за шведского торгового агента. Краббе был избит, ограблен и даже закован. Разбушевавшийся новгородец Трофим Волченоч бил его по щекам и вырвал серьгу с алмазом из уха.

¹⁷ См.: *Ляпин Д. А.* Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII века. СПб, 2018. С. 173.

¹⁸ Мятёжное время: Следственное дело о новгородском восстании 1650 г. / сост. Г. М. Коваленко, Т. А. Лаптева, Т. Ю. Соловьева. СПб.; Кишинев, 2001. С. 53.

¹⁹ Правительство Алексея Михайловича взяло на себя обязательство уплатить Швеции компенсацию — 190 тыс. рублей — за беглых русских людей, бывших подданных короны, принятых московской стороной. Часть суммы при этом возмещалась хлебом. Акцию, чтобы не отдавать «православных христьян в люторскую веру», активно поддерживала церковь (см.: *Тихомиров М. Н.* Указ. соч. С. 246–247).

Отобраны были у посланника и часы с боем («часы боевые»). Но главным преступлением стало изъятие бумаг, включая царское письмо к датскому королю²⁰. Избиение и грабеж Иверта Краббе грозили большими осложнениями. В Москве поступок новгородцев получил жесткую отповедь: новгородцы — «воры и мятежники» — своим проступком ссорили государей, «чего было не токмо делать — и мыслить страшно»²¹.

На аресте Краббе дело не кончилось. По городу прокатилась волна погромов. Восставшие разом квитались за все и с «мирскими губителями», и с «изменниками». Под горячую руку попали купцы Ганзейского союза и лучшие посадские люди²².

Воевода Хилков оказался бессильным пресечь выступление, поскольку стрельцы поддержали посадских людей. Единственное, что ему оставалось — поспешить вместе с Никоном известить о произошедшем Москву. Коротко поведав о начале бунта и об испуге стрелецких голов — «боятца, что убьют», — воевода и митрополит высказались за немедленную мобилизацию дворян из пятин для подавления выступления. Острота момента отразилась в заключительной фразе: «А переписать, государь, начисто не успели, стало вскоре». Послание завершала приписка «смирненного Никона»: он направил митрополитских детей боярских уговаривать новгородцев отстать от мятежа, но те «детей боярских били и их не в чем не послушали»²³.

Восставшие освободили из тюрьмы Игнатия Молодожника. Некогда зажиточный посадский человек, стоявший у сбора соляной пошрины, он столкнулся со Стояновыми, был ими разорен и брошен в тюрьму. Теперь открылась неожиданная возможность поквитаться с обидчиками. 16 марта Молодожник в окружении «худых людей» явился к Никону и потребовал выпустить своего наперсника и товарища Жеглова. Никон отказал. Вот тогда-то «Игнашко, собрався со многими людьми, Ивашка Жеглова из-за пристава выбил», о чем уже упоминалось выше.

Жеглов был водворен в земской избе, в одночасье превратившись из тюремного сидельца в одного из руководителей выступления. Чуть позднее Хилков доверительно писал всесильному боярину Б. И. Морозову, что Жеглов с единомышленниками «всем миром владеют»²⁴. Никон в своем послании царю был еще более категоричен. Жеглов «злым своим советом на всяко дурно

²⁰ *Форстен Г. В.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII века // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Февраль. ССХХV. С. 215. Избиение датского посланника грозило осложнениями в отношениях с Данией. В Москве поступок новгородцев получил жесткую отповедь: новгородцы — «воры и мятежники» — били датского посланника и, таким образом, могли государей рассорить, «чего было не токмо делать — и мыслить страшно». Позднее часть имущества вернули владельцу, но многое так и не было найдено. См. Мятежное время. С. 39–40, 82.

²¹ Мятежное время. С. 39–40.

²² *Панях В. М.* Новые материалы о Новгородском восстании 1650 года // Вопросы истории. 1981. № 2. С. 56 (док. № 10).

²³ Мятежное время. С. 14–15.

²⁴ Там же. С. 44. № 15.

их (новгородцев. — *Авт.*) учит и хотел всех православных христиан к крестному целованию привести своим воровским умыслом, неведомо в чем»²⁵.

Смена амплуа случилась в эти дни и с князем Хилковым. Правда, в отличие от Жеглова, все произошло в обратном порядке: 16 марта Хилков по крепостной стене перебежал на митрополичий двор, умоляя Никона укрыть его. Митрополит спрятал князя во внутренних покоях. Так воевода превратился в беглеца, дрожавшего за свою жизнь. Никон же продолжал держаться молодцом и не скрывался от восставших.

Москва на все реагировала с опозданием. И дело не только в расстоянии. При дворе не сразу оценили опасность случившегося в Новгороде и в Пскове. Первые грамоты воеводе и митрополиту прописывали традиционный рецепт «утешения» бунта — окрик, внушение, наказание: «И чтоб правые по своей правде от виноватых были отмены, а воры б и заводчики и мятежники были сысканы»²⁶.

Никон между тем стал действовать самостоятельно. Узнав, что Жеглов с товарищами вознамерились связать новгородцев общей клятвой стоять заодно, владыка решился на опережающий удар. Благо подоспел подходящий повод — 17 марта, день царских именин. Во время торжественной службы в Святой Софии Никон проклял руководителей движения «за то, что они, забыв государево крестное целованье, завели мятеж»²⁷. Ход был сильным. Проклятие митрополита внесло растерянность в ряды восставших²⁸. Жеглову и его сторонникам потребовалось время, чтобы прийти в себя.

Сам Никон высоко оценил свой поступок. На следующий день, 18 марта, он писал в Посольский приказ: «воры» заводили запись, чтобы весь мир «с ними стоял бы заодно в их замышлении. И я, богомолец твой, за то их великое воровство придал проклятию... и оне от тово было поунялись»²⁹. Два дня спустя, 19 марта, в грамотке к Тишайшему царю Никон написал о своих заслугах еще категоричнее: «Ево, Ивашка (Жеглова. — *Авт.*), изменника твоего государева, предал клятве, и тоя ради клятвы у них крестное целованья разрушил»³⁰.

День «государева ангела» бурно отпраздновали и в Пскове. Но там почин исходил не от митрополита, а от псковичей. Служившего обедню архиепископа Макария по выходу из церкви окружила толпа и потребовала выдачи

²⁵ Документы о Новгородском восстании 1650 г. С. 291.

²⁶ Мятежное время. С. 18–19. № 3.

²⁷ *Севастьянова С. К.* Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты. М., 2007. С. 344; Мятежное время. С. 55.

²⁸ В продолжение всего бунта вокруг поручной клятвы шла борьба. Организаторы пытались привлечь к целованию новгородских дворян, которые, в свою очередь, упорно стремились уклониться от подобных обязательств. Дело доходило до прямых столкновений. В первые дни дворяне пошли в кремль с намереньем заявить властям о своей лояльности. Однако стрельцы и посадские «худые люди» их «поворотили». В ответ дворяне попытались безуспешно вразумить новгородцев: «Надобно де им и та беда утушить, которую завели, а не вновь воровство заводить» (см.: Мятежное время. С. 54–55).

²⁹ Мятежное время. С. 47.

³⁰ Там же. С. 73. № 30.

ненавистного всем приказного Михаила Турова. Архиепископ «отговорился, а сказал, что Михайло от него збежал». Тогда Макария «миром... водили по площади и посадили на чепь в богадельню». Сам Макарий о «чепи» ничего не говорит. Но зато пишет, что «волочили его по площади часа четыре»³¹.

События последующих двух дней уже в Новгороде изложены в источниках противоречиво. По одной из версий, 19 марта к Никону явился пристав Гаврилка Нестеров, «единомышленник отлученных... с лестью, будто прощения просить»³². Речь шла о снятии проклятия. Никон не стал с этим спешить и велел Нестерова задержать «для подлинного сыску». Сам Никон позднее станет утверждать, что хотел его «разрешить и молитвы разрешительные проговорить»³³.

Жеглов с товарищами, узнав о поступке Нестерова, сильно испугался: пример мог стать заразительным. Тотчас ударили всполох, и толпа, посланная Жегловым с торговой стороны, кинулась к кремлю. Ворота были выломаны бревном, двери высечены, а пристав Гаврила освобожден. При появлении толпы Никон попытался урезонить новгородцев. Но его не стали слушать. В ответ посыпались обвинения: мол, государь на своего ангела из тюрем «винных людей отпускает, а он де, митрополит, их в такой праздник проклинаят». Похоже, что эти обвинения были ответным ходом руководителей восстания. Они перетолковали начинание Никона: тот «проклинаят не их одних... а всех новгородцев». А между тем «у них де у всех дума одна!» Таким образом, руководители земской избы попытались повернуть анафематствование против самого Никона. Несправедливость митрополита, по мысли инициаторов, была очевидной, что должно было не разъединить, а, напротив, сплотить новгородцев. Заодно этим можно было обезопасить и себя, исходя из принципа «будет казнить велит государь — всех, а пожалует — всех же»³⁴.

Уговоры и возражения Никона ни к чему не привели. В митрополита полетели камни, следом посыпались удары. Вот отдельные эпизоды этого избиения, зафиксированные позднее в следственном деле: с митрополитом стали говорить «с большим невежеством и ево лаяли и камнем в него бросали и зашибли камнем в груди»; «воры зашибли ево кирпичем по боку больно»; «били и бесчестили» «ухватя его за руки и ноги, тащили волоком до Софеи»³⁵.

Позднее софийский служака И. Кузьмин в расспросе в Посольском приказе добавил к этим описаниям еще несколько выразительных деталей. Никон якобы сам выдал пристава толпе: «Мы де за него не стоим, как хотите и с ним». Но новгородцы не унялись и попытались ворваться в Казенный приказ.

³¹ Цит. по: Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 160–161.

³² Мятёжное время. С. 68. Репутация Нестерова в изложении воеводы Хилкова была сильно подмочена: «И тот пристав Гаврилка и отец ево за многие их воровства биты кнутом и батоги».

³³ Там же. С. 74.

³⁴ Мятёжное время. С. 25.

³⁵ Там же. С. 55, 57, 74, 90.

Никон вышел к ним с вопросом: «За что двери ломают?» Здесь его и стали бить «в грудь ослопьем, и кулаками и шапками его били, а в шапках было камень»³⁶.

Об избиении поведал царю и сам Никон: «И оне меня ухватили со всяким безчинием, и в те поры бранили всякою неподобною бранью, и ослопом в грудь торчма ударили, и грудь розшибли, и по бокам камением, держа в руках, и кулаки били...»³⁷.

Характерно, что первоначально Никона толпа намеревалась отвести в земскую избу к «изменнику твоему государеву к Ивашку Жоглову». Хорошо понимая, чем подобный «поход» может закончиться, Никон воспротивился. Он стал уговаривать, чтобы его «отпустили со кресты к Знамению пречистыя богородицы, что готовился я грешной святую литоргию служить, и оне едва на то преклонились (согласились. — *Авт.*). И я, богомолец твой, велел благовестить и собрався с соборными и с иными с невеликими священники одва добрел с великою нуждею до Знамения пречистыя богородицы. И тамо час, стоя и сидя, слушал и святую литоргию с великою нуждею и спехом служил и назад болен в санях взвалясь приволокся. И ныне лежу в конце живота и кашлею кровью и живот весь запух и чая себе скорой смерти святым маслом соборовался. А того не ведаю, надолго ли моего живота продолжитца и буду ли жив»³⁸.

Трудно судить о действительном состоянии Никона после избиения. Был ли он действительно так плох, что готовился к смерти, или, желая произвести впечатление на царское семейство, преувеличивал? Как известно, Никону не чужды были экстравагантные жесты: достаточно вспомнить о его бегстве с Анзера или историю с избранием в патриархи. Но ситуация действительно складывалась для Никона с неясным исходом.

К слову сказать, советские исследователи рассматривали стенания Никона по поводу побоев как доказательство его двоедушия и лицемерия³⁹. Понятно, что подобная оценка скорее диктовалась принятым в советской историографии отношением к высшим церковным иерархам. Но, думается, что интерпретация происшедшего в своих интересах (а она явно присутствует в послании Никона) в порядке вещей. Те же новгородцы в челобитной царю обвинили митрополита в том, что тот проклял всех жителей города, когда как в действительности Никон пропел анафему только «заводчикам» движения. Разница существенная. Шла «пропагандистская война», и противники в обращениях к царю, следуя законам жанра, старательно чернили противную сторону и обеляли свою. Те же новгородцы в своей челобитной уверяли, что Никон по наговору воеводы

³⁶ Мятёжное время. С. 98.

³⁷ В довершение Никон поведал царю о своем намеренье «посхимитца», что должно было окончательно убедить Алексея Михайловича в серьезности положения: схизму иноки стремились принять перед кончиной (*Севастьянова С. К.* Эпистолярное наследие патриарха Никона. С. 336).

³⁸ Документы о Новгородском восстании 1650 г. С. 292.

³⁹ *Тихомиров М. Н.* Указ. соч. С. 152.

Ф. Хилкова «нас по имяном и безымянно всех православных христиан всего Великого Новагорода всяких чинов людей проклинать велел... и назвал нас всех еретиками без твоего государева указу и без патреарша и безо всего освященного собора»⁴⁰.

По такому же принципу и Никон преувеличил свой «урон», хотя бы уже потому, что бунтовщики подняли руку на митрополита. Между тем после побоев Никон уже на второй день участвует в церковных службах. Это как-то мало вяжется с поставленным им самим диагнозом близкой смерти. Получается, «умирающий» все же был больше жив, чем мертв.

Избиение Никона должно было стать актом устрашения. Но Никон не испугался. Его крепкостояние сыграло свою роль в развитии событий. Если в Пскове движение развивалось по восходящей, то в Новгороде, не без усилий Никона, стало пробуксовывать. Участвующие в бунте испугались, сомневавшиеся засомневались еще сильнее. Колебания стал испытывать даже Жеглов, который искал возможность договориться с властью. Среди новгородцев поползли слухи, «что де Ивашко Жеглов и сам ныне каецца, что такую беду завел»⁴¹.

Одной из первых мер земских руководителей стала изоляция прежних властей. Они, правда, не решились по примеру псковичей арестовать воеводу и митрополита. Но воеводская власть в лице Хилкова пребывала в полном параличе. Не смирился лишь Никон. Однако его возможности в эти дни сводились в основном к увещанию. Он продолжал собирать у себя на дворе «добрых людей, которые слушали (Никона. — *Авт.*) и к дурну ни к какому не приставали». Увещание сопровождалось угощением. Стол оплачивал Никон, о чем он не преминул позднее упомянуть в послании царю⁴².

Однако одной духовной власти владыки оказалось недостаточно, чтобы прекратить волнения. Согласно донесениям шведов, новгородцы на все попытки Никона внести раскол в их среду отвечали, что среди них нет ни «воров», ни «плутов» и все делается по общему согласию⁴³. Так что, Никону нужны было искать аргументы повесомее словесных увещаний.

Жеглов с товарищами не упускали возможности предстать перед новгородцами всезнающими вождями, диктующими ход событий. Никон писал, что Жеглов с Федором Негодяевым «хвалятся перед многими людьми, что, де, у митрополита и у околничего ни делаетца, и мы, де, то все ведаем»⁴⁴. Был ли это намек на прежнее дело о колдовстве, за которое пострадали Негодяевы, сказать трудно. На самом деле свою информацию они получали, совершая страшное с точки зрения закона преступление, — вскрывали перехваченную переписку новгородских властей с Москвой. Мера, однако, была разумная, поскольку интерпретация событий под пером Хилкова и Никона ничего хорошего

⁴⁰ Документы о Новгородском восстании 1650 г. С. 294.

⁴¹ Мятежное время. С. 100.

⁴² См.: *Севастьянова С. К.* Эпистолярное наследие патриарха Никона. С. 344.

⁴³ *Форстен Г. В.* Указ. соч. С. 217.

⁴⁴ Цит по: *Севастьянова С. К.* Эпистолярное наследие патриарха Никона. С. 21.

им не сулила. Подвергались контролю и послания из приказов, адресованные воеводе и митрополиту. Когда в конце марта приехавший из Москвы дворянин Яков Соловцов явился к Никону с запечатанными царскими грамотками, тот не смог скрыть удивления: «Диво де то, что он, Яков, проехал, а никого мимо земской избы к нему митрополиту и к окольничему (воеводе Хилкову) не пропускают»⁴⁵. Заметим, что в этом случае эмоции заслонили для Никона рациональное объяснение случившегося: московского посланника пропустили не по недосмотру, то был со стороны Жеглова знак готовности к компромиссу, о чем и поведал Соловцов. Оставшись с ним наедине, Жеглов будто бы принялся оправдываться: «То дело (т. е. бунт. — *Авт.*) не он учинил, а он де сидит неволею, взяли его из желез да и с чепои миром». При этом, продолжал оправдываться Жеглов, все могло быть много хуже, но он этого не допустил и «унял смертное убийство»⁴⁶. Бывший митрополичий дворецкий не лукавил. Он действительно опасался крайностей, что не мешало ему, как уже отмечалось, попытаться руками новгородцев свести счеты с Никоном.

В грамоте, привезенной Соловцовым, Никону было наказано продолжать уговаривать новгородцев, чтобы они «от дурна, престали и... государю вину свою принесли». Был в послании пункт, сильно смущавший митрополита трудностью исполнения: раскаявшиеся новгородцы должны были «воров, меж себя сыскав», выдать властям. Никон понимал, что выдворенные за границы царского милосердия вожди движения, естественно, продолжают мутить воду, делая возложенную на него задачу просто невыполнимой. Тем не менее он попытался.

28 марта во время службы в Софии Никон призвал новгородцев покаяться и принести свои вины государю. В ответ раздались крики: «Мы, де, государю не виноваты. И вины, де, нам государю приносить не о чем». Попытка Никона прочесть царскую грамоту также не принесла успеха. Грамота была объявлена «непрямой», а Яков Соловцов, который ее привез, человеком «изменника» Морозова. Никону пришлось уговаривать горожан не убивать Соловцова, затем вызволять его из-под ареста и наскоро выпроваживать из города⁴⁷.

Бунт сделал Никона одной из главных фигур в новгородском противостоянии. Само его поведение разительно отличалось от того, что демонстрировали представители светских властей. Все, что ни предпринимал Никон, делалось им с уверенностью и твердостью. Из-за этого новгородцам постоянно приходилось убеждать самих себя, что правда за ними и то, что они творят, не «гиль» и не «скоп», а изобличение «государевых неслуг» и «изменников». Однако Никон под эту категорию никак не попадал. Его даже трудно было уличить в корыстолюбии и стяжании. Быть может, именно из-за этой неуязвимости Жеглову

⁴⁵ Мятёжное время. № 64.

⁴⁶ Цит. по: Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 153–154.

⁴⁷ Севастьянова С. К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. С. 342–343. Соловцова, которого заподозрили, что он послан не от государя, собирались по «доброй» новгородской традиции даже скинуть с моста в Волхов. Жеглов потом станет уверять курьера, что это он спас его от смерти.

пришлось сосредоточить обвинение на незаконности отлучения новгородцев. Показательно, как в связи с этим интерпретировался факт избияния митрополита.

Эта интерпретация впервые прозвучала в новгородских челобитных, отправленных в Москву царю и патриарху. Последняя известна в изложении патриарха Иосифа, который обратился к новгородцам после ее прочтения с осуждением и наставлением. Похоже, что послание к Иосифу было даже радикальнее обращения к Алексею Михайловичу. Наслышанные о трениях между патриархом и митрополитом, челобитчики посчитали возможным придать своему обращению более резкую тональность. Никон, «умысля своим высокоумием и гордостью», 17 марта «о царском многолетии Бога не молил» и по наговору воеводы «проклял нас по имению и безимянно всяких чинов людей и называл он, митрополит, всех еретиками. И от того де митрополичья ложного проклятья и отписок в Великом Новгороде в мире всяких чинов людем учинилось смятение великое».

Логика челобитной предопределила объяснение якобы случившегося с Никоном удара во время службы в церкви Знамения на Ильиной улице, когда Никон стал ходить со свечою и произносить молитву: его при народе «обличило силою Божиею, будто ударило его недугом и всего роздробило, и учал быть болен и собою не владеть»⁴⁸.

Патриарх Иосиф не принял версию новгородцев. Он поддержал строгости Никона: «Наша должная о таковом деле стоять неподвижно и обличать и проклинать клятвопреступников — на то мы избраны». Одобрил Иосиф и Никоновское проклятие: «А что Никон митрополит проклинал крестопреступников воров и заводчиков, которые воровство завели, и то он учинил делом»⁴⁹.

Никону, конечно, нетрудно было доказать, что его «раздробило» не «Божье попущение», а кулаки и камни новгородцев. Он как раз и ставил себе в заслугу, что не испугался и прибегнул к радикальному средству, какое у него было, — к отлучению. В своей отписке Алексею Михайловичу от 1 мая он вновь напоминал о своем поступке: «...как то [проклятие] слышали Ивашковы товарищи, и от них отстали, и мне о том били челом, чтоб я их простил. И я их прощал».

Не меньшую свою заслугу Никон видит в том, что запретил под страхом отлучения прикладывать руку к «воровской записи», о чем даже разослал по церквям память. Выходец из низов, владыка хорошо знал, что такое круговая порука и как крепко она вяжет людей. Не допустить ее значило разорвать строй протестантов и посеять в их рядах разброд и неуверенность. Митрополичья память сработала. Многие уклонились от подписи. «И всякое худое дело у Иванка да Игнашка с товарищи, — похвалялся Никон, — моего ради постояния, разорвалось и в совершение не приходило»⁵⁰.

⁴⁸ Севастьянова С. К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. С. 214–215.

⁴⁹ Там же. С. 217.

⁵⁰ Севастьянова С. К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. С. 344. В ответ на действия митрополита «заводчики» прибегли к угрозам. Поскольку им особенно важно было продемонстрировать «единачество» с дворянами, именно по их адресу и раздавалась большая

Избиение Никона возмутило Алексея Михайловича. Мятежники осмелились поднять руку на царского богомольца! К этому инциденту второй Романов возвращался снова и снова. Когда в апреле в Москве появился посланник Жеглова Ф. Негодяев, царь распорядился допросить его особо. Для этого Б. И. Морозов отправил думному дьяку М. Ю. Волошенинову соответствующее указание: «Роспроси Фетьку, коим обычаем митрополиту скорбь учинилась — в церкви от их удару занемог или какая над ним скорбь учинилась? Роспрося подлинно, с тем же, государь, подьячим отпиши»⁵¹.

Негодяев не осмелился поддержать версию Жеглова про никоновское «раздробление» как наказание Божье. Он ответил уклончиво, ссылаясь на то, что не был свидетелем инцидента: когда его «худые люди» взяли и повели к земской избе и в то время митрополита будто бы били и камни бросали. Никон упросил отвести его «сходить за кресты к Знамению Пречистой Богородицы... и слышал де он, что в той службе, как учал митрополит кадити и осеняти свечами, и в то де время задрожал и хотел было упасть, и ево де поддерживали под руки и упасть не дали». А отчего задрожал — от болезни или что били, — «про то де он подлинно не ведает»⁵².

Сам Никон в эти дни по сути работал на два фронта: гасил новгородский пожар и одновременно повышал свой «рейтинг» в глазах Тишайшего. Так, в начале апреля он писал царю, что для пользы дела было бы лучше, чтобы его «переменяли». Причина в том, что новгородцы настроены против него⁵³. Но Алексей Михайлович и слышать не желал об удалении митрополита. Напротив, он становился фигурой заглавной, с которой всем властям велено было советоваться по поводу бунта. Никон в данном случае напоминал о себе от обратного — попробуйте обойтись без него! Вообще же перечислять перед государем свои заслуги, причем нередко их преувеличивая, скорее норма, нежели исключение. По тогдашним понятиям, напомнить о себе и потребовать положенного в соответствии с местом, отечеством и чином, справедливо и даже обязательно. Никон не устоял перед этим искусом. «А только бы я о том не стоял — много бы хуже псковского было в Великом Новгороде», — утверждал в одном из поздних посланий, присваивая славу главного «утешителя» мятежа⁵⁴.

Надо заметить, что у Никона была еще одна причина напоминать о своих заслугах. Пытаясь скомпрометировать митрополита, не унимался Иван Жеглов. Учитывая видимую разницу в положении, это кажется почти невероятным. Однако Жеглов умел рисковать. Он вознамерился самолично явиться в Москву для оправдания. Но побег не удался из-за того, что на Волхове

часть угроз типа «кто руку к записи не приложит... их де велят побить и дома их розгрябят». После подавления бунта пострадавшие уверяли, что Жеглов принуждал подписать челобитную с пистолетом в руках (см.: Мятёжное время. С. 85, 296).

⁵¹ Мятёжное время. С. 210–211. № 81.

⁵² Там же. С. 211–212. № 82.

⁵³ Севастьянова С. К. Материалы... С. 26.

⁵⁴ Цит. по: Севастьянова С. К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. С. 344–345.

«ледом реку забило» и переправа стала невозможной. Пришлось вернуться. Это не помешало Жеглову отправить грамотку посланному на подавление бунта боярину И. Н. Хованскому. Из грамотки видно, как собирался строить свою защиту Жеглов. Он писал, что Никон и Хилков «в мир пускают словесную речь с устрасием болшую, бутто ты, государь, в Великий Новгород едеш по их митрополичья и окольничего отпискам православных христиан вешать и пластать без сыску и без очных ставок. И теми, государь, они речми в миру чинят великое сумнение и смуту»⁵⁵.

Для Жеглова и его сторонников опорочить Никона значило оправдать самих себя. И они, по-видимому, знали, что делали: при царском дворе у Никона уже в это время хватало недоброжелателей. Так что митрополиту приходилось периодически опровергать возведенную на него небылицу. Никон даже посчитал, что после таких «ложных слов ты, де, государь, на меня, богомольца своего, кручинишься». Любопытно, что дало ему повод так думать: находясь с государем в постоянной пересылке, он в мае перестал получать царские письма. Молчание Тишайшего было воспринято им как опала вследствие ложных обвинений. Однако митрополит напрасно беспокоился. Задержка в пересылках объяснялась занятостью царя. Но не государственными делами, а охотой.

Все попытки скомпрометировать Никона оказались тщетными. Его заслуги в глазах Тишайшего были неоспоримы. Челобитчики получили жесткую отповедь, а их послания квалифицировали как «воровские письма»⁵⁶.

13 апреля Хованский вошел со своим отрядом в Новгород. Восстание было подавлено. «А ныне в твоей, государеве, отчине в Великом Новгороде... тихо. И всяких чинов люди тебе, государю, покорны», — писал Алексею Михайловичу Никон⁵⁷.

Никон встретил И. Н. Хованского настороженно, по-видимому, из-за опасения, что боярин попытается присвоить себе все заслуги в прекращении бунта. Но Хованский не стал оспаривать роль митрополита в прекращении бунта, и они очень быстро нашли общий язык. Когда же Москва, недовольная неспешным розыском, выговорила воеводе за медлительность, Никон вступился за Хованского. Он написал Алексею Михайловичу, что «боярин твоим государевым делом промышляет неоплошно». В заслугу Хованскому митрополит поставил и то, что тот следует его советам вести розыск «не вскоре, з большим розсмотрением, чтоб... сыскивалось впрямь... А вскоре было такова великого дела сыскати нельзе. А здеся, государь, ныне твоим государевым счастьем приходит дело в совершение работою твоего государева боярина князя Ивана Никитича Хованского, и работал тебе государю тихим обычаем для того, и не вдруг, чтоб в чем не ожесточилися»⁵⁸.

⁵⁵ Мятёжное время. С. 177, 191; Цит. по: Тихомиров М. Н. Указ. соч. С. 165.

⁵⁶ Там же. С. 177–200.

⁵⁷ Там же. С. 201.

⁵⁸ Там же. С. 268.

Действительно, и митрополит, и боярин сошлись на том, что милосердием и мягкостью они достигнут большего, нежели жестокостью и казнями. Сотрудничество Никона и Хованского было в конце концов оценено в Москве. В адрес обоих последовали царские «милостивые слова». И разумеется, неслучайно через несколько лет они вместе отправятся на Соловки во главе посольства за мощами митрополита Филиппа. Боярин окажется покладист, а жесткий ригорист Никон по отношению к Хованскому — снисходительно терпелив.

В Москве первоначально намеревались преподать новгородцам предметный урок. Однако Никон воспротивился подобным планам. В отличие от московских политиков он чувствовал всю зыбкость примирения. К тому же непокоренным оставался Псков, с чем нельзя было не считаться. Роль миротворца взял на себя Никон. В дни бунта он позиционировал себя как взыскательный и бесстрашный пастырь, пытавшийся образумить заблудшую паству. Теперь он предстал перед новгородцами как заступник. Искренность подобной позиции Никона в советской историографии ставилась под сомнение. Его призыв к милосердию трактовался как трезвый расчет, рожденный страхом перед бунтовщиками. Но, вероятно, здесь было всего понемногу. И исполнение пастырского долга, когда «печаловаться» — заступаться и взывать к милосердию — было частью архиерейского служения. И ясное понимание момента.

Надо сказать, что в Москве вняли совету Никона не только потому, что советчик был так угоден Алексею Михайловичу. Были причины и повесомее. Раздувать протестный огонь жестокостью опасались, памятуя о недавних городских восстаниях, потрясших страну. Пристально следивший за происходящим шведский агент Эберс доносил в Стокгольм, что «в Москве далеко неспокойно»⁵⁹.

События в Новгороде и Пскове побудили власти к созыву Земского собора, на котором было принято решение послать «для уговору пскович» посольство. 1 августа земские выборные во главе с коломенским епископом Рафаилом прибыли в Новгород. Посольство было уполномочено от имени Земского собора объявить псковичам, что в случае покаяния они будут прощены, «опричь четырех человек пущих воров». Никон в ответ спешит предупредить царя: ему известно, что восставшие под страхом клятвы обещали «друг друга не подать и стоять за одно». Воры же те во Пскове «владельтельны» и их «во всем псковские воры слушают, не здадутца и вины своей... не принесут». К слову сказать, мятежный Псков не спешил следовать призыву Никона покаяться по примеру новгородцев: «Полно де ему митрополиту и того, что де он Новгород обманул, а мы де не новгородцы, челобитных де нам повинных ко государю не посыловать»⁶⁰.

Отповедь псковичей не была случайной. Они изначально действовали много решительнее новгородцев. Иные в своем радикализме посягали даже

⁵⁹ Фостерн Г. В. Указ. соч. С. 220.

⁶⁰ Цит. по: Тихомиров М. Н. Псковское восстание 1650 г. // Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 65–66.

на самого царя. «...Хотя бы и сам государь был под городом Псковом, и то бы (ему) пульку в брюхо ввязили», — грозились они по адресу Тишайшего⁶¹. Подобные высказывания, конечно, не были типичны: мятежники крепко надеялись на государеву милость и признание правоты их «мирской правды».

К осени 1650 г. положение вокруг Пскова осложнялось. Никон писал в Москву, что из-за действия шишей многие дворяне и дети боярские «посечены», их села и деревни пограблены и пожжены, ратные люди «подо Псковом и по дорогам от псковских воров побиты». Митрополит настоятельно советовал проявить гибкость, «пущих четырех воров» простить, «вместо смерти живот дать»; если не пойти на уступки, Пскова не взять, «а которые люди подо Псковом и тех будет и достальных потерять». Никон в очередной раз напоминает, что милосердие уже дало свои плоды в Новгороде: «А я, богомолец твой, уговаривая новгородцев, дал им свое слово, что тебе, государю, за их вину бити челом, и того ради твоей государеве отчине Великому Новгороду и твоей государеве казне убытку и людем поруки никаковы не учинилось. Да и вперед бы мне... о всяких твоих государевых делах говорити с новгородцы надежно и постоянно»⁶².

Переговоры земского посольства в Пскове и начавшаяся блокада города в конечном итоге сломили псковичей. Они изъявили готовность повиниться и в доказательство освободили всех задержанных, включая воевод и дворян. Еще ранее был освобожден сидевший на цепи архиепископ Макарий. «А которые деи есть немногие люди пошумливают, и тем воли не дают», — отмечали свидетели⁶³.

Никон напрямую не участвовал в Псковских событиях. Но к подавлению бунта был причастен. Население обоих городов жадно ловило известия о происходящем у соседей. Когда Псков проявлял строптивость, то и в Новгороде поднимала голову «радикальная партия». Когда же здесь все было кончено, то и псковичи пребывали в унынии. Никон немало сделал для подавления Новгородского восстания и, таким образом, косвенно повлиял на судьбу псковского выступления.

Обращает на себя внимание активность Никона. Получив право «государево дело ведать», он выступает первым номером в общении с новгородцами, дает им обещание вступить за них перед государем и, по сути, требует от Алексея Михайловича, чтобы ему не мешали это обещание сдержать. Конечно, перед нами случай экстраординарный, рожденный мятежом. Но показательны намерения митрополита и тот стиль общения, включая его общение с государем, который он усваивает.

Новгородские события обогатили историю общения Алексея Михайловича и Никона еще одной любопытной страницей. Речь идет о видении, случившемся с Никоном накануне избиения 18 марта. Никон собственноручно описал его

⁶¹ Цит. по: *Тихомиров М. Н.* Псковское восстание 1650 г. С. 114.

⁶² *Мятежное время.* С. 275–276.

⁶³ Там же. С. 291, 292.

в письме царю. Случилось все во время заутрени в Софии и связано со списком особо почитаемой иконы «Спас Златая Риза». «И се внезапно я, богомолец ваш, — пишет Никон, — стоя на своем месте, увидел венец царский на воздухе злат над Спасовою главою. И помалу тот венец стал приближаться ко мне, и я, богомолец ваш, от великого страху, аки забылся, точию своим очима на тот венец смотрю и свещу пред Спасовым образом, как горит, вижу. И то в разуме помыслил, как тот венец движится, и то в памяти есть, что тот венец собою двигся, и пришед стал на моей главе грешной. И аз мало от великого того страха пременился, чая чувственно и обоими руками на своей главе осязал, и от того времени тот венец невидим бысть. И пришед из церкви от заутрени и твоему государеву околничему и воеводе князь Федору Андреевичу и дьяком и домашним своим такое страшное видение сказывал, и от того времени почал ожидать иного себе посещения...»⁶⁴.

Видения наяву или в тонком сне — неотъемлемая часть религиозности человека Средневековья. При этом увидевший если и сомневается, то, скорее, не в провидческом характере видения, а в том, могло ли оно явиться к тому, кто объявляет о нем. В конечном счете видения — удел избранных. А в повествовании Никона не просто избранничество, а его избранничество.

В интерпретации Никона случившееся — пророчество о мученическом венце, страдании за Правду, которое, однако, не оттолкнет Никона от намерения отстаивать ее до конца. Вместе с тем пророчество сбылось: именно на следующий день он примет мученичество, но не отступит.

Надо сказать, что Алексей Михайлович был впечатлен признаниями митрополита: «...Камнем и кольем забит насмерть ради тебя!»⁶⁵ Такое запоминается. Особенно если подтверждается. Случившееся, на наш взгляд, приоткрывает одну из тайн влияния Никона: для второго Романова Никон не просто советчик и «государев богомолец». Связь крепче: он — избранник, посланный свыше. Пока он рядом — быть ему и его православному царству в благочестии и славе.

Заключение. Новгородская эпопея много добавила Никону. Он предстал в новом свете: не просто неутомимый царский богомолец, чьи молитвы доходят до Бога, а энергичный, сильный архиерей, способный настоять на своем и вразумить неразумных. Он оказался посредником и миротворцем между властью и бунтующим «миром». Он урезонивал, вразумлял, наставлял, подавлял и просил о милости. Пока в масштабе одного города, но уже чувствовалось — может и большее.

Когда в декабре 1650 г., спустя несколько месяцев по окончании волнений, Никон приехал в Москву, то он был принят Алексеем Михайловичем «якова инем владыкам новгородским, прежде бывшим, таковые великие чести не бысть, яко же ему»⁶⁶. Царь от избытка чувств одарил подарками не только

⁶⁴ Документы о Новгородском восстании 1650 г. С. 291–292.

⁶⁵ Севастьянова С. К. Эпистолярное наследие... С. 441.

⁶⁶ Новгородский хронограф XVII в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 289.

«собинного друга», но и его соборных служащих. Таким образом, 475 верст между Москвой и Новгородом не только не охладили царскую привязанность, а только укрепили ее, предопределив дальнейшее возвышение Никона в патриархи.

Литература

1. Андреев И. Л. «Сильные люди» Московского государства и борьба дворян с ними в 20-40-е годы XVII века // История СССР. 1990. № 5. С. 77–88.
2. Варенцов В. А., Коваленко Г. М. Хроника «бунташного» века. Очерки истории Новгорода XVII в. Л.: Лениздат, 1991. 155 с.
3. Водарский Я. Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII – начале XVIII в. // Историческая география России. XII – начало XX в. Сборник статей к 70-летию Л. Г. Бескровного. М.: Наука, 1975. С. 70–96.
4. Греков Б. Д. Новгородский дом Святой Софии // Избранные труды: в 5 т. Т. 4. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 485 с.
5. Коваленко Г. М. Адольф Эберс о Новгородском восстании 1650 г. // Изучение истории и культуры Новгородской земли: тезисы докладов научной конференции (Новгород, 12 декабря 1986 г.). Новгород: Новгородский государственный педагогический институт, 1987. С. 39–42.
6. Ляпин Д. А. Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 334 с.
7. Мятежное время: Следственное дело о Новгородском восстании 1650 года / сост. Г. М. Коваленко, Т. А. Лаптева, Т. Ю. Соловьева. СПб.; Кишинев: Nestor-Historia, 2001. 502 с.
8. Панях В. М. Новые материалы о Новгородском восстании 1650 года // Вопросы истории. 1981. № 2. С. 83–90.
9. Севастьянова С. К. Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 518 с.
10. Севастьянова С. К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты. М.: Индрик, 2007. 776 с.
11. Тимошина Л. А. Новая публикация документов о Новгородском восстании 1650 г. // Очерки феодальной России. М.: Едиториал УРСС, 2002. Вып. 6. С. 270–298.
12. Тихомиров М. Н. Новгородское восстание 1650 г. // Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М.: Наука, 1969. С. 139–169.
13. Тихомиров М. Н. Псковское восстание 1650 г. // Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М.: Наука, 1969. С. 23–138.

References

1. Andreev I. L. «Sil'nye liudi» Moskovskogo gosudarstva i bor'ba dvorian s nimi v 20–40-e gody XVII veka [“Strong men” of the Moscow state and the struggle of the nobility against them in the 20–40s of the 16th century] // Istoriiia SSSR [History of the USSR]. 1990. № 5. P. 77–88. (In Russ.).
2. Varentsov V. A., Kovalenko G. M. Khronika «buntashnogo» veka. Ocherki istorii Novgoroda XVII v. [Chronicle of the “rebellious” century. Essays on the history of Novgorod in the 17th century]. Leningrad: Lenizdat, 1991. 155 p. (In Russ.).

3. Vodarsky Ya. E. Tserkovnye organizatsii i ikh krepostnye krest'iane vo vtoroi polovine XVII – nachale XVIII v. [Church organizations and their serfs in the second half of the 17th – early 18th centuries] // Istoricheskaya geografiya Rossii. XII – nachalo XX v. Sbornik statei k 70-letiiu L. G. Beskrovnoy [Historical geography of Russia. 12th – early 20th century. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of L. G. Beskrovny]. Moscow: Nauka, 1975. P. 70–96. (In Russ.).
4. Grekov B. D. Novgorodskii dom Sviatoi Sofii [Novgorod house of St. Sophia] // Izbrannye Trudy [Selected works]: in 5 vols. Vol. 4. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. 485 p. (In Russ.).
5. Kovalenko G. M. Adol'f Ebers o Novgorodskom vosstanii 1650 g. [Adolf Ebers on the Novgorod uprising of 1650] // Izucheniye istorii i kul'tury Novgorodskoi zemli: tezisy dokladov nauchnoi konferentsii (Novgorod, 12 dekabria 1986 g.) [Study of the history and culture of the Novgorod land: abstracts of the scientific conference (Novgorod, December 12, 1986)]. Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut, 1987. P. 39–42. (In Russ.).
6. Lyapin D. A. Tsarskii mech: sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Rossii v seredine XVII veka [The Tsar's sword: the socio-political struggle in Russia in the mid-17th century]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2018. 334 p. (In Russ.).
7. Miatezhnoye vremya: Sledstvennoye delo o Novgorodskom vosstanii 1650 goda [Rebellious time: Investigative case of the Novgorod uprising of 1650] / comp. G. M. Kovalenko, T. A. Lapteva, T. Y. Solovyova. St. Petersburg, Kishinev: Nestor-Historia. 2001. 502 p. (In Russ.).
8. Paneyakh V. M. Novye materialy o Novgorodskom vosstanii 1650 goda [New materials on the Novgorod uprising of 1650] // Voprosy istorii [Questions of history]. 1981. № 2. P. 83–90. (In Russ.).
9. Sevastyanova S. K. Materialy k «Letopisi zhizni i literaturnoi deiatel'nosti patriarkha Nikona» [Materials for the “Chronicle of the life and literary work of Patriarch Nikon”]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2003. 518 p. (In Russ.).
10. Sevastyanova S. K. Epistoliarnoe nasledie patriarkha Nikona. Perepiska s sovremennikami: issledovanie i teksty [Epistolary legacy of Patriarch Nikon. Correspondence with contemporaries: research and texts]. Moscow: Indrik, 2007. 776 p. (In Russ.).
11. Timoshina L. A. Novaya publikatsiya dokumentov o Novgorodskom vosstanii 1650 g. [New publication of documents on the Novgorod uprising of 1650] // Ocherki feodal'noi Rossii [Essays on feudal Russia]. Moscow: Editorial URSS, 2002. Issue 6. P. 270–298. (In Russ.).
12. Tikhomirov M. N. Novgorodskoe vosstanie 1650 g. [Novgorod uprising of 1650] // Tikhomirov M. N. Klassovaya bor'ba v Rossii XVII v. [The class struggle in Russia of the 17th century]. Moscow: Nauka, 1969. P. 139–169. (In Russ.).
13. Tikhomirov M. N. Pskovskoe vosstanie 1650 g. [Pskov uprising of 1650] // Tikhomirov M. N. Klassovaya bor'ba v Rossii XVII v. [The class struggle in Russia of the 17th century]. Moscow: Nauka, 1969. P. 23–138. (In Russ.).